

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О ПРАВАХ 1689 ГОДА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ*

В. А. ТОМСИНОВ

Полное официальное наименование Билля о правах, выраженное в словах «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны», довольно точно обозначает характер его основного содержания. Это, с одной стороны, декларация прав и свобод, а с другой — совокупность норм, определяющих порядок наследования королевской власти.

Начинается Билль о правах с краткой *преамбулы*, в которой сообщается, что в тринадцатый день февраля 1688 г.¹ лорды духовные и светские и общины собрались в Уэстминстере и представили их величествам, известным под именами Уильяма и Мэри, принца и принцессы Оранжских, некоторую декларацию в письменном виде. Далее приводится весь текст этой декларации, завершающийся словами присяги на верность королю Уильяму и королеве Мэри и формулой клятвы в ненависти к доктрине римско-католической церкви, согласно которой монархи, осужденные ее главой, могут быть свергаемы и убиваемы своими подданными, а также обещанием не признавать в пределах Англии юрисдикции, полномочий и верховенства какого-либо иностранного монарха, лица или государства. После указанных присяги, клятвы и обещания следует текст собственно Билля о правах.

В исторической литературе преобладает мнение, что данный Акт не содержал каких-либо новых конституционных принципов, но лишь подтверждал старые, имевшиеся в действовавшем праве.² «Мы напрасно

Томсинов Владимир Алексеевич,
д. ю. н., профессор, зав. кафедрой
истории государства и права МГУ
им. М. В. Ломоносова

© В. А. Томсинов, 2010

E-mail: history@law.msu.su

* Настоящая статья завершает серию статей под общим названием «Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии» (см.: Правоведение. 2007. № 5–6; 2008. № 1; 5–6; 2009. № 5–6).

¹ Указанная дата соответствует юлианскому календарю, действовавшему тогда в Англии. По григорианскому календарю, применявшемуся в ряде других европейских стран и в том числе в Нидерландах, это было 23 февраля 1689 г.

² См., напр.: Trevelyan G. M. The English Revolution, 1688–89. London, 1938. P. 161–163; Thomson M. A. A Constitutional History of England. London, 1938. Vol. 4: 1642–1801. P. 175.

ищем какого-либо изложения конституционного принципа в Билле о правах»,³ — пишет английский правовед Уильям Голдсворт. «Билль о правах был во всех отношениях только декларирующим старое конституционное право страны»,⁴ — отмечается в «Комментариях на законы Англии» Уильяма Блэкстоуна.

Приведенные оценки основываются прежде всего на словах и фразах самого этого документа. Так, в нем говорится, что «лорды духовные и светские и общины» собрались прежде всего «для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод»;⁵ что «лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в парламенте» умоляют, «чтобы было объявлено и узаконено, что все и отдельные права и свободы, подтверждаемые и требуемые в указанной декларации, являются истинными, старинными и несомненными правами и свободами народа этого королевства».⁶

Подобные заявления в тексте Билля о правах вполне соответствуют реальности: большинство его принципов и норм действительно лишь подтверждали старинные права и свободы подданных, а также признанные правовой традицией привилегии парламента. Однако политическое и юридическое значение Билля о правах далеко не ограничивалось этим. Внимательный анализ содержания данного Акта в контексте исторических событий, способствовавших его появлению, и прежде всего обстоятельств так называемой «славной революции», позволяет обнаружить за его словами и фразами более важный смысл, выходящий за рамки его наименования, придающий этому документу значение настоящей конституции. Подобным смыслом проникнута даже преамбула Билля о правах.

В ней говорится, что «лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в Уэстминстере, законно, полно и свободно представляющие все сословия народа этого королевства, в тринадцатый день февраля в году от рождества Христова одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмом, представили их величествам» некоторую декларацию.⁷ Главный смысл этой фразы таится за словом «законно (*lawfully*)». В преамбуле умалчивается, что лорды и общины собрались на основании не приказа законного короля Джеймса II, а письма иностранного правителя — штадхаудера Нидерландов, и что поэтому их собрание было не парламентом. Объявляя о том, что лорды и общины собрались «законно», преамбула Билля о правах тем самым придает законность их собранию — Конвенту и соответственно наделяет юридической силой его решения, самыми важными среди которых была, *во-первых*, резолюция, которая признавала Джеймса II отрекшимся от королевской власти, а королевский трон Англии — свободным, и, *во-вторых*, прокламация, провозглашавшая принца и принцессу Оранжских королем и королевой Англии, Франции и Ирландии.

Декларация лордов и общин от 12/22 февраля 1688/1689 г. не могла сама по себе стать законом: она была принята собранием, которое не являлось парламентом, и не получила выраженного в должном порядке одобрения законного короля. Одобрительные слова о ней нового короля

³ Holdsworth W. S. A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 241.

⁴ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book the fourth. Oxford, 1769. P. 372.

⁵ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown // Statutes at Large, from the first year of K[ing] William and Q[ueen] Mary to the eight year of K[ing] William III. Cambridge, 1764. Vol. 9. P. 68.

⁶ Ibid. P. 70.

⁷ Ibid. P. 67.

Уильяма III были всего лишь мнением и не имели какого-либо юридического значения, поскольку королевское согласие на вступление принятого парламентом документа в силу закона должно было в то время выражаться формулой: «*Le Roy et la Reyne le veulent* (Король и королева одобряют это)». Юридическую силу этому документу придало включение его в состав Билля о правах, принятого парламентом и получившего 16/26 декабря 1689 г. королевское одобрение. И хотя законность парламента можно было поставить под сомнение (это был тот же самый Конвент, который принял указанную Декларацию) и в легитимности короля Уильяма III и королевы Мэри II сильно усомниться, но законность *процедуры принятия Билля о правах* никакому сомнению не подлежала. Именно поэтому «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны» стал волшебной палочкой, превратившей беззаконие «славной революции» в законность. И именно в этом заключалось главное конституционное значение данного Акта.

С этой точки зрения важнейшими элементами в его содержании были слова преамбулы о том, что лорды и общины, собравшиеся в Уэстминстере, «законно, полно и свободно» представляли все сословия народа Англии, а также статья, гласившая: «Ныне, во исполнение вышеизложенного, указанные лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в парламенте для утверждения, подтверждения и подкрепления указанной декларации и статей, пунктов, фактов и предметов, в ней содержащихся, силой закона, изданного в надлежащей форме властью парламента, просят, чтобы было объявлено и узаконено, что все и отдельные права, подтверждаемые и требуемые в указанной декларации, являются истинными, старинными и несомненными правами и свободами народа этого королевства, и таковыми должны почитаться, признаваться, присуждаться, считаться и приниматься; и что все и каждую из вышеприведенных статей следует твердо и строго исполнять и соблюдать в том виде, как они выражены в указанной декларации, и все какие бы то ни было должностные лица и министры должны отправлять службу их величествам и их наследникам в соответствии с этими статьями во все времена, которые придут».⁸

Таким образом, в рассматриваемое время в Англии произошли следующие события:

— Созванный незаконно, в нарушение конституционных норм Конвент принял решение об отречении от королевской власти законного короля и объявил, опять-таки незаконно, королевский трон свободным. Затем провозгласил королем и королевой Англии штатхаудера Нидерландов и его супругу Мэри.

— После этого новоявленные носители английской королевской власти, занявшие трон в результате государственного переворота и свержения законного короля, приняли вместе с Конвентом акт о придании этому собранию статуса парламента.

— Появившиеся в Англии столь странным образом новый парламент и новый король издали, соблюдая законные процедуры, «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны». В его преамбуле и в особой статье основного текста Конвент объявлялся законным, а принятой им 12/22 февраля 1688/1689 г. Декларации о правах придавалась юридическая сила.

⁸ Ibid. P. 70–71.

— Объявленный законным Конвент, в свою очередь, придал законность новой королевской власти и акту, преобразовавшему Конвент в парламент.

Явление, которое выразили описанные события, можно, пожалуй, назвать «бумерангом легитимности». Оно — не редкий случай в мировой политической истории. Начало революции — это всегда акт беззакония, но окончательная победа ее может произойти только в том случае, когда в обществе снова утвердится законность. Иначе говоря, для полной победы революции необходима, как это ни парадоксально, именно контрреволюция. Но контрреволюция особого рода — такая, которая восстановит в обществе режим законности. С этой точки зрения, *Билль о правах был актом контрреволюции, обеспечившим окончательную победу в Англии революции 1688–1689 г.*

* * *

Декларация о правах, принятая лордами и общинами 12/22 февраля 1688/1689 г. и включенная в состав Билля о правах, который был издан 16/26 декабря 1689 г., провозглашала новые конституционные принципы в первых же своих строках. В них говорилось: «Так как последний король Джеймс Второй, при содействии различных злых советников, судей и министров, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы этого королевства».⁹ Приведенные фразы содержали обвинение в адрес короля за действия, совершенные через посредство его советников, судей и министров. Между тем в традиционной английской конституции существовал принцип «король не может совершать правонарушений (king do not wrong)» и тем более не может нести ответственность за действия своих должностных лиц. В данном же случае этот принцип был применен к советникам, судьям и министрам короля, и ответственность за правонарушения, совершенные ими, оказалась возложенной на его величество.

Один из современников «славной революции», сохранивший верность свергнутому королю Джеймсу II и весьма критически наблюдавший за тем, что происходило в Англии после ее захвата штадхаудером Нидерландов, составил приблизительно в 1692–1693 гг. перечень парадоксов данной революции, среди которых был и такой, который прямо относился к указанной ситуации: «Жаловаться только на правонарушения государственных министров и тем не менее наказывать короля, который по нашему праву не наказуем, потому что не может персонально совершать правонарушения».¹⁰

Очевидно, что, *выдвигая обвинение против Джеймса II, парламентарии исходили из самого простого, буквального толкования принципа «king do not wrong», согласно которому король не может совершать правонарушение не потому, что не несет за это никакой ответственности, но исключительно по той причине, что не может допустить правонарушения по своему статусу.*¹¹ Такому толкованию данного принципа традиционной

⁹ Ibidem.

¹⁰ Some Paradoxes, presented for a New Years Gift by the old, to the new Orthodox, serving for an Index to the Revolution // Mullett Ch. F. Some «Paradoxes» of the «Glorious Revolution» // The Huntington Library Quarterly. 1947. Vol. 10. N 3. P. 317–322.

¹¹ В напечатанном в Лондоне в 1689 г. анонимном сочинении под названием «Ответ на две бумаги, называемые “Открытой речью лорда” и “Речью коммонера, в которой разбираются возражения против настоящего управления делами”» говорилось по поводу

английской конституции совсем не противоречило возложение на короля ответственности за совершенные правонарушения.

Любопытно, что Джеймс II обвинялся при этом не в полном ниспровержении законов и свобод Английского королевства, но лишь в попытке такого ниспровержения. Понятно, что только такая конструкция позволяла удалить монарха от власти, сохранив монархию, однако из-за нее обвинение короля в преступлениях становилось очень шатким: оно базировалась не на объективных фактах — последствиях преступлений, а на оценке действий короля, которая не могла не быть весьма субъективной. И приведенный ниже перечень действий, которые были вменены ему в вину, только подтверждал это.

* * *

Так, Джеймс II был обвинен лордами и общинами в том, что он присвоил и осуществлял «полномочия изъятия из-под действия законов (диспенсации) или приостановления законов, или приостановления исполнения законов, без согласия парламента».¹² Между тем правомочие диспенсации (*dispensing power*) было вполне легитимным правомочием короля, начиная с XIII в., со времен Генриха III. Его осуществление было, правда, ограничено определенными рамками. Король не имел права совершать изъятия тех или иных лиц из-под действия закона, если это противоречило благу и безопасности общества и позволяло притеснять другого человека, он мог освободить кого-либо от ответственности только за преступления, затрагивавшие его собственные интересы, и т. д.¹³ Его величество не мог совершать изъятия из *common law*, но только из статуты и, как правило, таких, которые относились к уголовному праву.

Вплоть до последнего десятилетия правления Елизаветы I осуществление английскими королями полномочия диспенсации не вызывало вопросов у парламента и со стороны общества. Статуты были во многом несовершенны, и данное полномочие позволяло королям хоть в какой-то степени нивелировать их недостатки. Елизавета же стала использовать его для создания привилегированных условий ведения предпринимательской деятельности особо приближенным к себе людям.¹⁴ Поэтому постепенно правомочие короля изымать кого-то из-под действия законов стало восприниматься в качестве вредного для общественного блага. При Карле II и Джеймсе II негативное отношение общества к этому королевскому правомочию усилилось вследствие того, что оно начало применяться для

правила «*king do not wrong*»: «Эта максима была, наконец, лучше ограничена и понята. Король не может совершать правонарушений, то есть он не должен делать этого, он не обладает истинным полномочием совершать правонарушение, то есть поступать вопреки праву, а что есть право, как не закон; поскольку если он нарушит, что остается делать, как не освобождать от королевского звания. Все, чем является король, создает ему закон, которому он должен подчиняться» (*An Answer to two Papers called, A Lords Speech Without-Doors, and A Commoners Speech, wherein The Objections against the Present Management of Affairs are Dissolved*. London, 1689. P. 20).

¹² Ibidem.

¹³ См. об этом: *Edie C. A. Revolution and the Rule of Law: The End of the Dispensing Power, 1689 // Eighteenth-Century Studies*. 1977. Vol. 10. N 4. P. 435.

¹⁴ См. об этом: *Edie C. A. Tactics and Strategies: Parliament's Attack upon the Royal Dispensing Power 1597–1689 // The American Journal of Legal History*. 1985. Vol. 29. N 3. P. 205–207.

освобождения лиц, подозреваемых в приверженности к римско-католической вере, от принесения особой клятвы при занятии должностей в государственном управлении и в англиканской церкви. Однако применение королем полномочия диспенсации не становилось от этого незаконным, а потому неправомерным было представлять его в качестве действия, ведущего к ниспровержению законов.

* * *

Не вполне обоснованным было обвинение Джеймса II в том, что он собирал деньги «в пользу короны, на основании обманной прерогативы, в иное время и в ином порядке, чем это разрешено парламентом». В данном случае имелось в виду присвоение королем таможенных пошлин (customs) и акцизов (excises), право сбора которых было предоставлено парламентом его предшественнику на троне — Карлу II на все время жизни последнего. Джеймс II действительно собирал их без согласия парламента, но только в течение трех месяцев — с момента своего восшествия на престол и до созыва его первого парламента. Подобная ситуация, когда новый король в период до созыва своего первого парламента продолжал собирать таможенные пошлины, на которые было дано парламентское разрешение его предшественнику на троне, была нормальной практикой и прежде не воспринималась в Англии как нарушение законов. Сбор же акцизов был впервые разрешен парламентом Карлу II, и для такого способа пополнения королевской казны прецедента еще не сложилось, но было очевидно, что по здравому смыслу в отношении данного вида сборов должно было действовать то же самое правило, которое применялось к таможенным пошлинам. Именно поэтому судьи, к которым Джеймс II обратился за разъяснением возникшей проблемы, вынесли решение (rule) о том, что до созыва первого парламента королю можно собирать акцизы так же, как и таможенные пошлины. Это судебное решение Джеймс объявил своей прокламацией для всеобщего сведения.

Настойчивое и последовательное стремление парламентариев лишить короля любых возможностей сбора налогов без их разрешения происходило не только из их желания предотвратить увеличение налогового бремени на своих избирателей и родственников. Оно диктовалось еще и ясным сознанием того, что именно зависимость короля от парламента в вопросе пополнения казны придавала этому государственному органу статус влиятельной политической силы и заставляла его величество считаться с интересами представленных в нем политических группировок. Не случайно поэтому, что наиболее болезненно воспринимали какое-либо покушение на парламентскую привилегию давать разрешение королю на сбор налогов члены Палаты общин. Столкнувшись в мае 1689 г. с возражениями лордов при обсуждении поправок в проект дополнительного акта к Акту о сборе подушного налога, они разразились следующим довольно резким заявлением: «Все деньги, субсидии и налоги, собираемые или обременяющие подданных в парламенте, являются даром и пожалованием общин в парламенте и предоставляются общинами в парламенте; и являются и всегда являлись и должны быть, по конституции, старинной процедуре и законам парламента, и на основании старинных и неоспоримых прав общин Англии, единственно и целиком даром, пожалованием и подарком общин в парламенте, и должны устанавливаться, рассчитываться, назначаться, собираться, платиться, взиматься и отдаваться для

общественной службы и пользы правительства так, как общины укажут, ограничат, назначат и модифицируют их». ¹⁵

* * *

Вопреки законам поступал Джеймс II тогда, когда формировал и содержал постоянную армию «в пределах королевства, в мирное время, без согласия парламента». При Карле II постоянные вооруженные формирования насчитывали 8500 человек, Джеймс довел их численность к осени 1688 г. до 53 000. Но он спешил обзавестись насколько возможно большей армией для того, чтобы успешно противостоять хорошо обученным и лучше всех в Европе вооруженным нидерландским войскам, о готовящемся вторжении которых на территорию Британии у него были надежные сведения.

Все обвинения лордов и общин против короля, сформулированные в Декларации, ставшей частью Билля о правах, заняли двенадцать пунктов. После их изложения сообщалось, что, «так как Джеймс II отрекся от правления, а королевский трон стал поэтому свободным, его высочество принц Оранжский..., по совету духовных и светских лордов и разных ведущих персон из общин, приказал, чтобы были написаны письма духовным и светским лордам протестантского вероисповедания и другие письма различным графствам, университетам, городам, бургам и пяти портам об избрании таких лиц для своего представительства, которые были вправе войти в состав парламента, собраться и заседать в Уэстминстере в 22-й день января в этот год 1688, для того чтобы принять такое установление, при котором наша религия, законы и свободы не могли бы снова подвергнуться опасности ниспровержения; на основании этих писем были соответственно произведены выборы;

и посему указанные лорды духовные и светские и общины, в силу соответствующих писем и выборов, собравшись в настоящее время в качестве полного и свободного представительства этой нации, предприняв самое серьезное рассмотрение наилучших средств достижения вышеуказанных целей, прежде всего (как это обыкновенно делали в подобном случае их предки) для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод, единодушно заявляют...». ¹⁶

После этих слов в рассматриваемом документе декларировались принципы и нормы, регулирующие осуществление ряда важнейших полномочий государственной власти. В частности, устанавливалось:

1) «Что притязание на полномочие приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, является незаконным».

2) «Что притязание на полномочие освобождать кого-либо от действия законов королевским повелением так, как оно присваивалось и осуществлялось в недавнее время, является незаконным». ¹⁷

¹⁵ *Reasons for disagreeing with the Lords in the Amendment to the Bill, intituled, An additional Act to an Act, intituled, An Act for the raising Money by a Poll, and otherwise, towards the Reducing of Ireland // The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 134.*

¹⁶ *An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 68.*

¹⁷ *Ibid. P. 69.*

3) «Что комиссия для создания последнего суда комиссионеров по церковным делам и все другие комиссии и суды подобной природы являются незаконными и пагубными».

4) «Что взимание денег для или в пользу короны, на основании обманной прерогативы, без разрешения парламента, в течение более долгого времени или в ином порядке, чем тот, который разрешен или будет разрешен, является незаконным».

5) «Что обращение к королю с петицией есть право подданных и все аресты и преследования за такое обращение являются незаконными».

6) «Что формирование или содержание постоянной армии в пределах королевства в мирное время, если это не делается с согласия парламента, противно праву».

7) «Что подданные, являющиеся протестантами, могут иметь оружие для своей защиты, соответствующее их положению, и как это позволяется законом».

8) «Что выборы членов парламента должны быть свободными».

9) «Что свобода речи и дебатов, или деятельность в парламенте не должны быть поводом к импичменту или предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте вне парламента».

10) «Что ни чрезмерный залог не должен требоваться, ни чрезмерные штрафы налагаться, ни жестокие и необычные наказания назначаться».

11) «Что списки присяжных должны составляться и обновляться надлежащим образом, и присяжные, решающие судьбы людей в судебных процессах по делам о государственной измене, должны быть свободными держателями».

12) «Что все послабления и обещания послаблений относительно штрафов и конфискаций частным лицам до вынесения судебного приговора являются незаконными и недействительными».

13) «И что для удовлетворения всех обид и для исправления, упрочения и сохранения законов парламента должны созываться часто».¹⁸

В историко-правовой литературе конституционное значение приведенных статей видится обыкновенно в утверждении принципа «верховенства парламента». На самом деле английский парламент в результате юридического закрепления этих норм не превращался в самостоятельный законодательный орган. Законодательная власть и после принятия Билля о правах оставалась исключительной прерогативой государственного органа под названием КОРОЛЬ–В–ПАРЛАМЕНТЕ.

Следует заметить, что пункт Декларации о правах от 12/22 февраля 1688/1689 г., запретивший освобождать кого-либо от действия законов королевским повелением, без согласия парламента, был дополнен в тексте Билля о правах следующей статьей: «И далее объявляется и узаконивается вышеуказанной властью, что начиная с этой и после этой сессии парламента никакое освобождение кого-либо от действия закона (диспенсация) посредством *non obstante* какого-либо из статуты или какой-то части его не будет дозволено; но таковое будет считаться ничтожным и недействительным; за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте, и кроме диспенсации в таких случаях, которые будут специально предусмотрены одним или несколькими биллями, принятыми в течение настоящей сессии парламента».¹⁹

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. P. 72–73.

Выдвинутые в Декларации о правах обвинения против Джеймса II в попытках ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы Английского королевства были признаны основанием не только для объявления его отрекшимся от королевской власти, но и для возведения на освободившийся трон принца и принцессы Оранжских. Любопытно, что свой выбор именно их на роль носителей королевской власти лорды и общины объясняли в Декларации не родственными связями Уильяма с предшествовавшими ему королями,²⁰ не наследственными правами Мэри Оранжской на трон своего отца, но, *во-первых*, тем, что именно его высочество принц Оранжский был сделан Всемогущим Богом «славным орудием освобождения этого королевства от папизма и произвольной власти»;²¹ *во-вторых*, полной уверенностью лордов и общин, что принц Оранжский довершит это освобождение; *в-третьих*, что защитит английских подданных от нарушения их прав, подтвержденных указанной Декларацией; *в-четвертых*, предохранит их «от других покушений на их религию, права и свободы».²²

В Билле о правах признавалось, что их величества будут править, восседая «на троне своих предков (upon the throne of their ancestors),²³ но данный факт совсем не рассматривался в качестве основания их восшествия на английский королевский трон. Из содержания «Акта, декларирующего права и свободы подданного и устанавливающего наследование короны» вытекало, что Уильям III и Мэри II стали монархами не на основании божественного права, по которому становились королями их предшественники, но исключительно по выбору лордов и общин. Так, в статье, следующей сразу за текстом вставленной в него Декларации о правах, отмечалось, что их величества Уильям и Мэри Оранжские «приняли корону и королевское достоинство королевств Англии, Франции и Ирландии, и владений им принадлежащих, согласно резолюции и желанию указанных лордов и общин, выраженных в упомянутой Декларации»²⁴ (курсив мой. — В. Т.). И вместе с тем проводилась мысль о том, что упрочение религии, законов и свобод Англии, а также спасение их от угроз оказаться в будущем снова ниспровергнутыми станет задачей парламента, который примет для этого, «с королевского согласия их величеств», юридически обязывающее постановление.²⁵

В качестве одного из главных способов спасения религии, законов и свобод английских подданных стало закрепление в Билле о правах запрета наследовать корону и осуществлять королевскую власть лицам, примирившимся или поддерживавшим общение с римской церковью, или исповадовавшим папскую веру, или состоявшим в браке с папистом или

²⁰ Уильям III был внуком английского короля Карла I, а его супруга Мэри приходилась королю-мученику внучкой.

²¹ *An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown.* P. 68.

²² *Ibid.* P. 69.

²³ *Ibid.* P. 71.

²⁴ *Ibid.* P. 70.

²⁵ В оригинале эта мысль изложена следующим образом: «And thereupon their Majesties were pleased that the said Lords Spiritual and Temporal and Commons, being the two Houses of Parliament, should continue to sit, and with their Majesties' royal concurrence make effectual provision for the settlement of the religion, laws and liberties of this kingdom, so that the same for the future might not be in danger again of being subverted, to which the said Lords Spiritual and Temporal and Commons did agree, and proceed to act accordingly» (*Ibidem*).

паписткой. Народ Английского королевства освобождался во всех таких случаях от присяги на верность королевской особе, и корона переходила в обладание и пользование лица, являющегося протестантом, которое должно было бы унаследовать ее и пользоваться ею в случае, если бы король, примирившийся или поддерживавший общение с римской церковью, или исповедовавший папскую веру, или состоявший в браке с папистом или паписткой, умер.

Данная статья Билля о правах изменяла на прямо противоположное существовавшее прежде положение, когда религия короля определяла, какая религия в стране является главенствующей: теперь было узаконено, что главенствующая в стране религия определяет религию короля.

Объясняя причину установления нормы, запрещающей наследование и осуществление королевской власти в Англии папистам, Джон Гэмпден²⁶ и Джон Вильдмэн писали: «Чтобы понять истину того, что было изменено последним парламентом, что “несовместимо с безопасностью этого протестантского королевства управляться папистом”, к этому следует добавить только, что когда наш монарх действительно является папистом, он обязан принципами своей религии предпринимать самые крайние меры для подчинения своих подданных папской юрисдикции».²⁷

Билль о правах не просто исключал возможность перехода королевского трона к лицу католического вероисповедания, но и закреплял его за лицами протестантской веры. В тексте Декларации о правах, являвшейся неотъемлемой его частью, устанавливалось, что по кончине принца и принцессы Оранжских²⁸ корона и королевский сан переходили к нисходящим наследникам Мэри, а за их отсутствием к ее родной сестре принцессе Анне Датской и ее прямым наследникам, а в случае их отсутствия — к прямым наследникам принца Оранжского. Такой порядок наследования английской короны был еще раз закреплен в тексте собственно Билля о правах. При этом к его описанию было добавлено, что «лорды духовные и светские и общины от имени всего вышеупомянутого народа навсегда наипокорнейше и честно подчиняются ему за себя, за своих наследников и потомков и честно обещают, что отстаивать, поддерживать и защищать указанные их величества, и также указанное и изложенное здесь ограничение наследования короны, всеми своими силами, не щадя своих жизней и имущества, против всех каких бы то ни было лиц, которые предпримут что-либо сему противное».²⁹

* * *

В тексте Декларации о правах закреплялась своеобразная конструкция королевской власти. Ее носителями объявлялись одновременно две физические персоны — принц и принцесса Оранжские. По смерти кого-либо из них тот, кто оставался на этом свете, продолжал править один. Но

---

²⁶ Джон Гэмпден (*John Hampden*, 1653–1696) — член Конвента, сын Ричарда Гэмпдена (1631–1695).

²⁷ *Hamden J., Wildman J. Defence of the Proceedings of Late Parliament of England, An 1689 // A Collection of State Tracts, published on occasion of the Late Revolution in 1688 and during the Reign of King William III. London, 1705. Vol. 1. P. 215.*

²⁸ Королева Мэри II, принцесса Оранжская, скончалась 28 декабря / 7 января 1694/1695 г. в возрасте 32 лет. Король Уильям III умер 8/18 марта 1701/1702 г. в возрасте 51 года.

²⁹ *An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 71–72.*

при жизни принца и принцессы практическое осуществление королевской власти от имени их обоих, причем исключительное и полное осуществление, передавалось одному принцу Оранжскому.³⁰

Эта норма была повторена в тексте собственно Билля о правах, но с небольшими изменениями. Принц Оранжский, ставший его величеством, получал право осуществлять от имени себя и супруги не только «королевскую власть (*regal power*)», но и «управление (*government*)». ³¹ При этом если в Декларации характер осуществления Уильямом королевской власти описывался терминами «*sole and full* (исключительный и полный)», то в собственно Билле о правах осуществление им королевской власти и управления должно было являться «*entire, perfect and full* (безраздельным, совершенным и полным)». ³²

Кроме того, в последнем варианте рассматриваемой нормы было добавлено объяснение причины, по которой лорды и общины сочли целесообразным передать осуществление королевской власти одному из двух ее носителей. Это было сделано, как отмечено в первой фразе статьи, «для предупреждения всяких сомнений и разногласий в этом королевстве из-за каких-либо фальшивых прав на корону». ³³

Историки, изучающие «славную революцию», до сих пор спорят о том, что было изменено ею в Английском государстве: сменила она только монарха или же переменяла вместе с ним и саму монархию? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно посмотреть на конструкцию королевской власти, закрепленную сначала в Декларации, принятой Конвентом 12/22 февраля 1688/1689 г., а затем в Билле о правах, вступившем в юридическую силу 16/26 декабря 1689 г.

С точки зрения традиционной конституции Англии законными правами на королевский трон, если допустить, что он действительно оказался свободным, могла обладать только Мэри, принцесса Оранжская: она являлась старшей дочерью короля Джеймса II и до рождения у него сына официально считалась наследницей английской короны. Супруг же ее, принц Оранжский, если и мог предъявить по действовавшей в то время английской конституции какие-либо права на эту корону, то исключительно фальшивые. И провозгласив принцессу Оранжскую настоящей королевой, юридической носительницей королевской власти под именем Мэри II — а не всего лишь королевой-супругой короля — лорды и общины признали наличие у нее законного права на английскую корону. Повторно такое признание они сделали, объявив о том, что в случае смерти принца и принцессы Оранжских и отсутствия у Мэри II потомства, корона и королевский сан перейдут к принцессе Анне Датской. Любопытно, что по установленному в Декларации о правах и подтвержденному Биллем о правах порядку наследования короны она переходила к принцессе Анне даже в том случае, когда у принца Оранжского оставались после его смерти сын или дочь, рожденные от него не Мэри, а другой его супругой. Более того, это

³⁰ В Декларации о правах эта норма была сформулирована следующей фразой: «And that the sole and full exercise of the regal power be only in and executed by the said prince of Orange in the names of the said prince and princess during their joint lives» (*An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown*. P. 69).

³¹ Ibid. P. 71.

³² Ibidem.

³³ «And for preventing all questions and divisions in this realm by reason of any pretended titles to the crown» (Ibidem).

последнее правило наследования короны было включено в Декларацию по настоящему именно принца Оранжского. Принцесса Анна Датская являлась второй по старшинству дочерью Джеймса II и включение ее в число наследников английской короны, да еще с указанным преимуществом перед принцем Оранжским есть еще одно свидетельство того, что нормы традиционной английской конституции о наследовании королевского престола сохраняли в глазах парламентариев и принца Оранжского свою силу.

А отсюда вытекает в свою очередь, что конструкция королевской власти, закрепленная в Декларации и Билле о правах, согласно которой королева Мэри II оказывалась только носительницей королевского титула, а осуществление королевской власти и управления отдавалось одному принцу Оранжскому, выходила за рамки английской конституции, т. е. создавала новую монархию.

В Билле о правах отмечалось, что королевская власть и управление должны осуществляться принцем Оранжским от имени обоих их величеств, но это совсем не означало, что король и королева имели одинаковый статус. Когда Уильям III покидал Англию, отправляясь на войну с Францией, его супруга Мэри II не автоматически брала на себя осуществление королевской власти и управления, а на основании специально издававшегося по этому случаю Билля о регентстве. В 1690–1694 гг. Уильям III провел за пределами Англии в общей сложности три года, и все это время Мэри II правила не как полновластная королева Англии, но всего лишь в качестве регента.

Ее пониженный по сравнению с мужем Уильямом статус был подчеркнут и при коронации, состоявшейся 11/21 апреля 1689 г. Церемония данной коронации была разработана таким образом, чтобы, с одной стороны, отличить Мэри от обыкновенной супруги короля, а с другой — продемонстрировать, кто из двух официальных носителей королевской власти является настоящим. Мэри не стояла на коленях перед Высоким Алтарем, получая корону, как это должны были делать королевы-супруги, но сидела на специально изготовленном для этого действия коронационном троне.³⁴ И королевский скипетр, «символ королевской власти и правосудия» был вручен Уильяму и Мэри обоим.³⁵ Однако накидку, сшитую из золотых нитей, набросили на шею только Уильяму,³⁶ он первым был помазан на королевство,³⁷ шпоры прикладывались к пяткам одному ему,³⁸ мечом опоясан был он один.³⁹ И, наконец, именно его первым короновали.⁴⁰

Действовавшая до «славной революции» юридическая конструкция королевской власти не предполагала периода междуцарствия (*interregnum*) при смене одного монарха на другого. Эдуард Кук, выступая в 1608 г. по делу Роберта Кальвина, говорил: «Всеми судьями Англии было ясно решено, что лично по своему происхождению его величество является полностью и совершенно королем, без какой-либо необходимой церемонии или акта, который должен совершаться *ex post facto*; и коронация есть не что иное, как королевское украшение и показное празднование происхождения. И это очевидно доказывается бесчисленными прецедентами

³⁴ Legg J. W. Three Coronation Orders. London, 1900. P. 21.

³⁵ Ibid. P. 25.

³⁶ Ibid. P. 5.

³⁷ Ibid. P. 21.

³⁸ Ibid. P. 22.

³⁹ Ibid. P. 23.

⁴⁰ Ibid. P. 26.

и книгами судебных дел..., которыми явно показывается, что по законам Англии не может быть *interregnum*».⁴¹

Начало же правления Уильяма III и Мэри II датировалось 13/23 февраля 1688/1689 г., т. е. с момента их провозглашения королем и королевой прокламацией Конвента. Это означало, что в их случае *interregnum* — вопреки законам Англии — был.

Таким образом, Декларация лордов и общин, принятая 12/22 февраля 1688/1689 г., и Билль о правах, ставший законом 16/26 декабря 1689 г., идеологически и юридически оформили новую конструкцию единоличной королевской власти — новую монархию.

В результате «славной революции» Англии сохранилось традиционное устройство верховной власти: ее по-прежнему воплощал король-в-парламенте. Однако значение парламента в этой связке явно возросло: он стал в сущности постоянно действующим органом. Норма о том, что парламент должен созываться достаточно часто, и законодательные гарантии, обеспечивающие это, потеряли прежнее значение: актуальным стало теперь ограничение срока его полномочий.

Королевская власть, напротив, утратила прежнее свое значение. Билль о правах почти не ограничил королевские полномочия: он, за редким исключением, лишь подтвердил те ограничения, которые с давних времен опутывали английского короля. Ослабление значения королевской власти произошло во многом вследствие того, что конструкция монархии, закрепленная Биллем о правах, выходила за рамки традиционной английской конституции. Статус короля и королевские prerogatives остались в целом прежними: они определялись законами, прецедентами, правовыми обычаями, но в большей мере — вековой политической и правовой традицией осуществления в Англии монархической власти. Однако непосредственная связь короля с этой традицией в результате «славной революции» оказалась разорванной. Уильям III получил королевский титул не по наследству, не по божественному праву, а на основании решений Конвента — органа, который не имел полномочия принимать акты, имеющие юридическую силу. Он придавал большое значение своему коронованию, полагая, что его процедура сделает его легитимным властителем. Но по английскому праву коронация не имела никакого юридического значения, но была всего лишь красивой церемонией, а день ее — просто праздником.

Легитимность принца Оранжского как английского короля держалась всего лишь на одном акте — Билле о правах. Но подобное значение этот документ получал и для всех преемников Уильяма III на королевском троне. Таким образом, в результате «славной революции» в Англии возникла принципиально новая монархия, а именно: **МОНАРХИЯ БИЛЛЯ О ПРАВАХ**.

⁴¹ «But it was clearly resolved by all the judges of England, that presently by the descent his majesty was completely and absolutely king, without any essential ceremony or act to be done *ex post facto*; and that coronation was but a royal ornament, and outward solemnization of the descent. And this appeareth evidently by infinite precedents and book-cases..., by which it manifestly appeareth that by the Laws of England there can be no *interregnum*» (*The case of the postnati, or of the union of the Realm of Scotland with England*. Trin. 6 James I. A. D. 1608 // *A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from the earliest period to the Year of 1783*. With notes and other illustrations compiled by T. B. Howell. In twenty-one volumes. London, 1816. Vol. 2. Col. 626).